

КОРРУПЦИЯ: СУБЪЕКТЫ, СОВРЕМЕННЫЕ ПРИЗНАКИ, ПОНЯТИЕ

Арзамасов Юрий Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Россия, iguip@guu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2429-2410>

Арзамасов Владислав Юрьевич, кандидат юридических наук, Государственный университет просвещения, Москва, Россия, arzasov.vladislav@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-6978-4142>

Аннотация. В начале статьи подчеркивается актуальность проблемы коррупции как в нашей стране, так и за рубежом, для чего приводятся современные статистические данные. Проблема коррупции усугубляется в наши дни по многим причинам: неэффективная деятельность правоохранительных органов, цифровизация и связанные с ней новые виды преступлений коррупционной направленности, сращивание представителей госаппарата с криминальными структурами и т. д. В статье отмечается, что, несмотря на множество научных работ, посвященных коррупции, на сегодняшний день отсутствует единое понимание термина «коррупция». При этом многие исследователи отмечают локальный характер коррупционных преступлений. При раскрытии понятия «коррупция» авторы применили комплексный метод, проанализировав научные работы представителей различных гуманитарных наук, как отечественных, так и зарубежных, результатом чего явилось выявление признаков, характеризующих коррупцию не только как юридическую проблему, но и общесоциальную. Высказана идея о необходимости разработки единого правового международного документа, регламентирующего отношения, связанные с борьбой и предотвращением коррупции. Основываясь на данных проведенного анализа научной литературы, российского законодательства и судебной практики, было предложено общесоциальное понятие коррупции и его юридическое понятие. Сформулированные выводы имеют как теоретическое значение для развития разделов криминологии и науки уголовного права, так и практическое – для совершенствования легального законодательного понятия «коррупция».

Ключевые слова: коррупция, причины коррупции, коррупционные правонарушения, правоохранительные органы, преступления, виды коррупционных преступлений, признаки коррупции, общесоциальное понятие коррупции, юридическое понятие коррупции, дефиниция.

Для цитирования: Арзамасов Ю.Г., Арзамасов В.Ю. Коррупция: субъекты, современные признаки, понятие // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 182–190. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-182-190>

Research Article

CORRUPTION: CONTEMPORARY SUBJECTS SIGNS, CONCEPT

Yuriy G. Arzamasov, Doctor of Jural Sciences, Professor, Chief Scientific Associate, Department of Legal Theory and Interdisciplinary Legislative Investigations, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, iguip@guu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2429-2410>

Vladislav Yu. Arzamasov, Candidate of Jural Sciences, State University of the Enlightenment, Moscow, arzasov.vladislav@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-6978-4142>

Abstract. In the foreword, topicality of the problems of corruption, both in Russia and abroad, is determined for which, modern statistical data are provided. The problem of corruption aggravates nowadays for a number of reasons: ineffective activities of authorities, digitalisation and associated new types of consequences of corruption, the merging of representatives of the state apparatus with criminal structures, etc. The article notes that, despite the many scientific works devoted to corruption, we still have no concept of “corruption” proper. At the same time, many researchers note the local nature of corruption crimes. When revealing the concept of “corruption,” the authors here had applied a complex method, analysing the scientific works of representatives of various humanities, both Russian and foreign, which resulted in the identification of signs characterising corruption not only as a legal problem, but also as a general social one. The idea was expressed about the need to develop a single legal international document regulating relations to fight and prevent corruption. Based on the analysis of scientific

literature, Russian legislation and judicial practice, a general social concept of corruption and its legal concept were proposed. The formulated conclusions are of theoretical significance for both criminology sections' development and criminal law science; they are also of practical significance for improving the legal legislative concept of "corruption".

Keywords: corruption, causes of corruption, corruption offences, law enforcement agencies, crimes, types of corruption crimes, signs of corruption, general social concept of corruption, legal concept of corruption, definition.

For citation: Arzamasov Yu.G., Arzamasov V.Yu. Corruption: contemporary subjects signs, concept. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 182–190 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-182-190>

1. Актуальность проблемы. Начать данную статью мы решили с цитаты древнегреческого философа Аристотеля не ради традиционного «украшения» работы изречением известного всему миру ученого, а для того, чтобы показать актуальность проблематики, связанной с коррупцией, как в прошлые тысячелетия, так и на современном этапе развития нашего социума и государства. Проблема коррупции усугубляется в наши дни по многим причинам: неэффективная деятельность правоохранительных органов, цифровизация и связанные с ней новые виды преступлений коррупционной направленности, сращивание представителей госаппарата с криминальными структурами и т. д. Еще 15 лет назад в статье, опубликованной в журнале «Государство и право», посвященной данной проблематике, профессор В.В. Лунеев отметил, что «ежегодно в стране совершается до 7 млн коррупционных деяний» [Лунеев: 24].

Сегодня официальные данные о преступлениях коррупционной направленности значительно отличаются от утверждения профессора В.В. Лунеева. Так, по заявлению Председателя Следственного комитета России А.И. Бастрыкина в 2022 г. только «следователи СК России направили в суд почти 89 тыс. уголовных дел, из них 10 тыс. – о коррупции, что на 9 % больше, чем в 2021 году»¹.

Конечно, данная статистика не является абсолютной, поскольку коррупционные деяния в большинстве случаев, если они не выявлены оперативными сотрудниками правоохранительных органов с помощью прослушивания, оперативного эксперимента либо не зафиксированы средствами видеонаблюдения, являются латентными, то есть незарегистрированными и, соответственно, не учтенными правоохранительными органами, о чем свидетельствуют современные исследования [Чернов: 103–106; Арзамасов В.: 237–250].

Тем не менее проблема коррупции в стране стоит довольно остро. Коррупция серьезно тормозит не только развитие экономики, мелкого и среднего бизнеса, но и науки и культуры. Без поддержки влиятельных родственников и друзей либо без взяток талантливым управленцам, экономистам, юристам

Покупающие власть за деньги
привыкают извлекать из нее прибыль

Аристотель

и специалистам в других областях деятельности довольно трудно сделать карьеру не только на государственной службе, но также в бизнесе, в науке, в отдельных направлениях искусства, в образовании. Видя такое положение вещей, у молодых людей возникают признаки правового нигилизма, проявляющиеся в недоверии к законодательству, к правоохранительным и контролирующим органам власти. Коррупция среди сотрудников государственных и муниципальных органов способствует расширению не только «теневых отношений» в бизнесе, но и реальному росту организованной преступности и терроризма.

Фактически коррупция во всех своих многообразных проявлениях не просто тормозит построение эффективного цивилизованного демократического государства в России, но реально представляет собой угрозу национальной безопасности. Недаром еще в 2015 г. в своем Указе от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» Президент России В.В. Путин отнес коррупцию к числу «основных угроз государственной и общественной безопасности»². В принятом на смену данному акту в Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» «искоренение коррупции» было названо Президентом одним из национальных интересов Российской Федерации³, что лишним раз актуализирует не только проблему борьбы с коррупцией и предотвращения коррупционных правонарушений, но и необходимость научного исследования данного понятия и выявления причин его генезиса.

Более того, актуальность данной проблематики подтверждается также тем фактом, что, несмотря на различные формы правления в государствах, политические режимы и приоритеты в использовании методов госуправления, 177 стран подписали Конвенцию Организации Объединённых Наций против коррупции. Данный этап договорного нормотворчества можно рассматривать и как юридический факт, лишним раз подтверждающий то, что проблема коррупции полностью не решена практически ни в одной стране, это касается даже таких успешных в ее решении стран, как Дания, Новая Зеландия, Финляндия.

2. Коррупция: характеристики (признаки); основные подходы к пониманию. Несмотря на множество научных работ, посвященных коррупции, на сегодняшний день отсутствует единое понимание данного термина.

Обращение к этимологии говорит о том, что рассматриваемый термин имеет латинское происхождение, поскольку слово «согитреге» с латинского языка переводится как «растлевать». Непосредственно термин «согитио» имеет несколько иное значение, так как означает подкуп, порчу, что отчасти совпадает с его современной трактовкой.

По нашему мнению, современная коррупция имеет следующие характеристики (признаки).

Во-первых, с позиции формально-юридического подхода, главным образом с точки зрения позитивизма, когда под правом понимают систему статутного права, то есть норм законов и конкретизирующих их подзаконных актов, а также норм договоров нормативного содержания, коррупция – это **понятие, объединяющее все виды коррупционных правонарушений**. Согласно ч. 1 ст. 13 ФЗ «О противодействии коррупции», «граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства за совершение коррупционных правонарушений несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации». Из сказанного следует, что разнообразные коррупционные правонарушения можно систематизировать не только по отраслевой типизации, но и по степени общественной опасности, выделяя при этом коррупционные преступления и коррупционные проступки.

Во-вторых, с точки зрения политики, политического руководства экономикой коррупция осуждается государством на концептуальном уровне. Причем в современной России это является характерным как на государственном федеральном и на региональном уровнях, так как закрепляется в различных государственных программах и программах субъектов Российской Федерации, так и на международном уровне, поскольку коррупция **наносит серьезный вред не только национальным государствам, но и международным отношениям**. Это касается не только экономики и политики, поскольку коррупция проникла в сферу культуры, образования, науки и т. д. Однако, как показало исследование, проведенное П.А. Кабановым, не всегда антикоррупционные программы являются эффективными, поскольку «отсутствует единый подход к оценке результативности антикоррупционных программ и срокам их реализации: 44,9 % всех программ принимаются на среднесрочную перспективу (на срок около трех лет); 40,5% – на краткосрочную перспективу (на срок до двух лет)»⁴. «В целом мониторинг состояния регио-

нальных антикоррупционных программ показывает, что они во многом противоречивы, а их заявленные цели являются труднодостижимыми в заявленном обозримом будущем»⁵.

В-третьих, **коррупция – это аморальное явление**. В этом отношении нельзя не согласиться с профессором Казанского (Приволжского) федерального университета Б.В. Сидоровым и аспирантом А.Е. Комиссаровым, которые не без основания утверждают, что «любая коррупция и любые ее проявления в объективной реальности являются аморальным явлением, действием или деятельностью, поскольку подрывают... этические ценности и справедливость» [Сидоров, Комиссаров: 124]. Не зря коррупционеров рядовые граждане часто называют «бесчестными» и «бессовестными» людьми, «паразитами общества», что подтверждают также серьезные социологические исследования. Например, согласно исследованию, осуществленному Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), «список самых серьезных проступков по мнению россиян возглавляют деяния, которые "...связаны с коррупцией (их осуждает 85 % россиян), и употребление наркотиков (90 %)"»⁶. Из сказанного вытекает, что коррупция – это **антисоциальное явление**, поскольку она осуждается значительным большинством граждан России.

Следующая характеристика (признак). Коррупция возникла не в прошлом веке, она, как справедливо отмечают современные исследователи, **имеет глубокие исторические корни**. Так, например, если говорить о данном явлении «в исторической ретроспективе в России...», то здесь «...выделялись два основных вида коррупции – мздоимство и лихоимство. Российские источники упоминают мздоимство еще в XIII в.» [Нисневич: 92].

На сегодняшний день коррупция прочно укоренилась в нашем социуме. В этой связи для полноценной и качественной борьбы с коррупцией необходимо понимать всю «симптоматику» происходящей ситуации. Это связано главным образом с тем, что данная «болезнь» протекала не год и даже не одно тысячелетие. Причем до Петра I под коррупцией понимали исключительно взяточничество, сейчас, как мы видим, она значительно трансформировалась.

В современных условиях развития экономики, введения Западом санкций против России, а также цифровизации различных направлений экономики, коррупция трансформируется и приобретает все новые и новые способы получения прибыли. Например, С.А. Попова и С.В. Акулин на современном этапе цифровизации выделили следующие формы передачи взятки: «...электронные кошельки, электронные подарочные сертификаты, домены сайтов, передача страницы в социальной сети, продажа цифровой тех-

нологии на специализированной платформе, передача скинов в компьютерных играх, флэш-накопитель с доступом к виртуальной валюте, покупка платных публикаций» [Попова, Акулин: 178]. Это позволило им сделать вывод о том, что в настоящий момент цифровая коррупция подразделяется «...на цифровую прибыль и доход, полученный при помощи цифровых технологий» [Попова, Акулин: 182].

Из сказанного следует, что с юридической точки зрения одним из признаков коррупции является **совокупность системных деяний в виде действий, осуществляемых за различные вознаграждения, либо выгоды.**

Субъекты коррупции с помощью цифровых технологий научились уметь избегать юридической ответственности. В результате коррупция, как «ржа» на металле, проникает в разные сферы жизнедеятельности общества и государства. Это высказывание подтверждается тем, что обозначенная проблема неоднократно была предметом обсуждения на коллегиях правоохранительных органов. Так, 20 марта 2023 г. на расширенной коллегии МВД России Президент России, оценивая итоги работы данного федерального органа исполнительной власти в 2022 году, заявил, что «в условиях санкционного давления, а главное, с учётом тех масштабных задач развития страны, регионов, всех отраслей промышленности, которые мы сейчас решаем, принципиальное значение имеют такие направления работы, как обеспечение экономической безопасности и борьба с коррупцией»⁷.

Неоднократно проблемы коррупции рассматривались и на заседаниях ООН. Примером является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, которая была подписана и Российской Федерацией. При этом первой и важной задачей в этом документе значится «содействие принятию и укрепление мер, направленных на более эффективное и действенное предупреждение коррупции и борьбу с ней»⁸.

Такие задачи, на наш взгляд, обозначены в связи с тем, что одним из важных признаков (актуальной характеристикой) современной коррупции является ее **комплексность**. Данной точки зрения придерживается и Д.Б. Минингулова, утверждая, что «коррупция как комплексное явление, присущее современному государственному управлению большинства стран мира, является одним из факторов, негативно влияющих на эффективность государственной власти» [Минингулова: 61].

Между тем главным субъектом по предупреждению и пресечению коррупции являются не международные органы, а, прежде всего, национальные власти. Более того, в комментарии к ст. 7 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, который был принят Генеральной Ассамблеей

ООН 17 декабря 1979 г. сказано, что «понятие коррупции должно определяться в соответствии с национальным правом...»⁹.

Однако можно ли безоговорочно согласиться с данным утверждением? Очевидно, что нет! Если мы возьмем данный тезис на вооружение, то фактически отвергнем такое понятие, как международная коррупция, которая проявляется в подкупе высокопоставленных государственных служащих иностранного государства, руководителей международных общественных организаций, в переводе денежных средств, добытых преступным путем, в офшоры, в нарушении законодательства в сфере государственных закупок и т. д. Определенным толчком для интенсификации международной коррупции стало развитие экономики и международной торговли, а также появление новых политических технологий. Иными словами, детерминантой международной коррупции стала экономическая глобализация! По мнению С.П. Глинкиной, «любой разновидности коррупции, в том числе и так называемой “внутренней” или “национальной”, присущ международный характер» [Глинкина: 13]. Для подтверждения своих слов С.П. Глинкина ссылается на выступление бывшего вице-президента США А. Гора на Первом всемирном форуме по борьбе с коррупцией, на котором он отметил, что «никакая страна не в состоянии отгородиться от воздействия коррупции, имеющей место за ее пределами» [Глинкина: 13].

В этой связи актуализируется вопрос разработки **единого правового международного документа, регламентирующего отношения, связанные с борьбой и предотвращением коррупции.**

Несомненно, что одной из ключевых и важнейших задач демократического государства с цифровой экономикой, где на законодательном уровне запрещена монополизация экономической деятельности, где бизнес является особо подверженным влиянию с точки зрения коррупции, поскольку частые проверки предпринимателей со стороны различных контрольных структур, а также решения вопросов, связанных с проведением электронных торгов и аукционов, получением госконтрактов или иных задач, которые необходимо решать через распределяющие структуры государства, является борьба и предотвращение различных коррупционных проявлений в социуме. При этом сфера бизнеса в условиях цифровизации экономики особенно подвержена коррупции и противозаконным мерам, которые активно применяются преступниками с целью незаконного обогащения путем использования все новых и новых коррупционных схем, привлекая для этого людей, владеющих специальными знаниями в вопросах компьютерной безопасности (ст. 272 УК РФ), а также к использованию криптовалютных операций с целью непер-

сонифицированности проводимых сделок и иных способов сокрытия своей противоправной деятельности (ст. 193 УК РФ; ст. 193.1 УК РФ; ст. 198 УК РФ; ст. 199 УК РФ; ст. 199.1 УК РФ; ст. 199.2 УК РФ; ст. 199.3 УК РФ; ст. 199.4 УК РФ).

Помимо этого, необходимо учитывать также и степень латентности коррупционных преступлений, что в свою очередь приводит к неэффективной работе правоохранительных органов в борьбе с коррупцией. В этой связи российскому государству важно находить новые способы решения поставленных задач, «сегодня многие советы директоров, представляющие крупные и средние компании, все чаще для предотвращения и выявления коррупции стали прибегать к таким инструментам, как антикоррупционный комплаенс. С точки зрения теории права и государства данные действия можно охарактеризовать как активизацию деятельности институтов гражданского общества по противодействию коррупции» [Арзамасов Ю.: 6–8].

Не стоит забывать, что коррупционные деяния могут быть направлены на иные общественные институты, а не только на государственных служащих, проявляется это в получении различных «льгот» (внеочередное получение жилья, необоснованное премирование и т. п.) и привилегий (ст. 285 УК РФ), поскольку они содержат в себе не менее важные, а порой даже и более опасные и вредоносные способы решения задач коррупционной направленности, которыми не пренебрегают преступники, проникающие в определенные государственные и иные властные структуры. В этой связи профессор А.А. Арямов и Е.О. Руева в своей статье пришли к важному выводу о том, что «предметом коррупции могут быть не только выгоды имущественного характера, но и неимущественные выгоды: награды, продвижение по службе, ученые степени и звания, соавторство и т. п., что противоречит законодательному определению коррупции. В данном случае становится очевидным нарушение правила дефинирования: в законодательном определении объем понятия не соответствует его содержанию» [Арямов, Руева: 90–100].

С данным подходом к предмету коррупции нельзя не согласиться, поскольку в научных и высших учебных заведениях еще существует практика, когда руководители вузов и их структурных подразделений заставляют подчиненных сотрудников писать им или «нужным людям» статьи, монографии, диссертации либо предлагают поставить их в соавторство, хотя реально они вообще не писали данные научные работы.

Между тем из статьи А.А. Арямова и Е.О. Руевой следует, что одним из признаков коррупции является **получение выгоды**, поскольку, как было отмечено, коррупция не ограничивается только одним

имущественным обогащением. Проявлением коррупции является торговля должностями, званиями и т. п. При этом выгода от коррупционных действий может быть не только коррупционеру, но и членам его семьи, знакомым, начальнику, любовнице и т. д.

Помимо этого А.А. Арямов и Е.О. Руева справедливо поставили под сомнение легальную дефиницию коррупции, закрепленную в ФЗ «О противодействии коррупции», где говорится, что «коррупция: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»¹⁰.

Проведенный правовой анализ показывает, что помимо субъектов – лиц, злоупотребляющих должностным положением, – есть лица, которые получают незаконные блага от дачи взяток, коммерческого подкупа на получение выгодного контракта и т. п. При этом федеральному законодателю в легальной дефиниции коррупции необходимо учитывать также и посредничество в осуществлении таких деяний, как дача взятки и коммерческий подкуп. Ответственность данных субъектов предусмотрена в действующих составах УК РФ. Из этого следует, что анализируемая законодательная дефиниция в современных условиях уже не соответствует требуемому стандарту нормотворческой юридической техники, поскольку не отражает все аспекты (особенности) ее содержания.

Здесь справедливо актуализируются следующие вопросы. Может быть, проблема современной коррупции заключается только в неумелом управлении государственными структурами? Либо существует недостаточная прозрачность системы налогообложения, регистрации собственности, либо есть необходимость в более четком отборе кандидатов на государственные и муниципальные должности?

Конечно, все перечисленные проблемы актуальны, а это означает, что они косвенно могут влиять на состояние современной коррупции. Однако, как известно, преступное поведение напрямую не зависит от профессионализма государственных служащих, а также от эффективной и слаженной работы государственных органов.

Обозначенную проблематику нельзя сбрасывать со счетов, но здесь нужно иметь в виду и тот факт, что существуют «узкий» подход к пониманию коррупции, когда под субъектами коррупции понимают

только должностных лиц, и «широкий» подход, когда перечень коррупционеров не ограничивается только должностными лицами. Первый («узкий») подход к пониманию коррупции доминировал в конце 90-х гг. прошлого века в связи с тем, что он был нормативно закреплён в международных документах ООН. Так, например, в справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией говорится, что «коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгод в личных целях»¹¹.

В этой связи академик РАН, профессор Т.Я. Хабриева предложила научной общественности и практикам следующее понятие коррупции: «Противоправное использование должностным или иным лицом своего положения в целях получения ненадлежащей выгоды для себя или третьих лиц, предоставление другим лицам такой выгоды, а также посредничество и иные формы содействия в совершении указанных деяний» [Хабриева: 30]. Как мы видим, в данной дефиниции помимо термина «должностное лицо» было использовано словосочетание «иные лица», которое значительно расширило субъектный состав коррупционеров, что отражает реальное положение дел.

Между тем для полноценного раскрытия проблемы определения коррупции и ее субъектного состава будет не лишним обращение к научным работам представителей различных гуманитарных наук.

К примеру, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН А.Н. Пинчук, опираясь на работы немецкого социолога Н. Элиаса, французского исследователя П. Бурдьё и английского социолога Э. Гидденса, представляет коррупцию «как определенную разновидность социальных практик» [Пинчук: 91].

Однако здесь лучше было бы использовать термин «асоциальные практики». Такое замечание основано, прежде всего, на том, что коррупция фактически ломает общественные устои, поскольку она разрушает социум, его устойчивые связи, основанные на древних обычаях, профессиональных традициях, обычаях делового оборота, а также на моральных, партийных и религиозных нормах и принципах. В этой связи следует выделить такой признак коррупции, как **асоциальная практика**.

Проведя исторический анализ возникновения и распространения коррупции в России, исследователь Н.Е. Богданов пишет, что «коррупция является сложным, относительно массовым социально-правовым и исторически изменчивым (приспосабливающимся) явлением, представляющим угрозу как национальной безопасности государства, так и его существования в целом» [Богданов: 342].

Несмотря на то, что автор данной дефиниции вслед за В.В. Путиным справедливо указывает на то,

что коррупция как явление сегодня представляет реальную угрозу для безопасности нашего государства, применимо оно может быть только социологами и отчасти историками, но не юристами, поскольку субъекты коррупции в данном определении не указаны, что является недопустимым. Не ясны также цели и мотивы коррупционеров, что имеет важное значение для следователей и судей.

М.О. Изотов в кандидатской диссертации по социальной философии предлагает следующее определение: «Коррупция – это социальный феномен, предполагающий деятельность государственных служащих, связанную с использованием ими своего должностного положения в личных целях, приносящую деструктивный эффект и повышение энтропии в социальные процессы» [Изотов: 8].

Автор данной дефиниции справедливо утверждает, что коррупция является «социальным феноменом», но при этом он сам себе противоречит, необоснованно сужая субъектный состав коррупционеров, ограничивая его только государственными служащими. Буквальное толкование норм уголовного права показывает, что к субъектам коррупционных правонарушений следует относить не только государственных, но также муниципальных служащих, а также лиц, выполняющих определенные контрольные функции (проверяющих, экспертов и т. п.). К субъектам коррупционных преступлений следует также относить руководителей (представителей) различных фирм и корпораций, а также и рядовых граждан, которые для решения своих экономических, финансовых, карьерных и иных проблем прибегают к подкупу различных должностных лиц путем взяток и коммерческого подкупа.

Для превенции таких деяний в действующем УК РФ закреплён ряд коррупционных составов преступлений, предусматривающих ответственность для желающих посредством подкупа должностных лиц решить свои корыстные цели в бизнесе, строительстве, карьере, учебе и т. п. Согласно нормам уголовного закона такие физические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности по следующим статьям: 204 УК РФ – коммерческий подкуп, 204.1 УК РФ – посредничество в коммерческом подкупе, ст. 204.2 УК РФ – мелкий коммерческий подкуп, 291 УК РФ – дача взятки, 291.1 УК РФ – посредничество во взяточничестве, 291.2 УК РФ – мелкое взяточничество.

Нельзя сказать, что данные статьи сегодня работают на все 100 %, поскольку здесь мы уже поднимали важную проблему латентности данного вида преступлений, но определенная судебная практика по данным составам преступлений все же имеется. Например, в 2022 г. по ст. 291 УК РФ (дача взятки) были привлечены 2 786 человек, но осуждены

по данной статье были 2 146 человек, что составляет 77 % от общего числа привлеченных к уголовной ответственности. Картину, характерную для латентной преступности, мы видим, обратившись к анализу уголовной статистики о привлечении к ответственности за коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ). В 2022 г. по данной статье привлекались 428 человек, осуждены были только 329 человек, что составляет 77 % от общего числа¹².

Для более полноценной картины о том, что представляет собой коррупция, нелишним будет обращение к трудам зарубежных исследователей. Ученый Института социального менеджмента при Пекинском университете авиации и космонавтики Ду Чжичжоу полагает, что коррупция относится к злоупотреблению доверенной властью или ненадлежащему влиянию на вверенную власть [Ду Чжичжоу: 16].

Однако в данном случае китайский исследователь, по нашему мнению, значительно сузил субъектный состав коррупционеров. Почему он это сделал? Мы можем только догадываться, поскольку в КНР только санкция за дачу взятки составляет 5 лет, а в России, согласно ч. 1 ст. 291 УК РФ, – только два года лишения свободы. Может, он побоялся дальнейшей криминализации деяний.

Французский социолог П. Бурдьё под коррупцией понимает фактически третий элемент, предложенный выше: перераспределение общественных ресурсов или «неофициальное финансирование расходов», составляющее деятельность профессионального корпуса чиновников, руководствующегося собственными целями [Бурдьё: 125–166].

Как видим, П. Бурдьё в своих исследованиях опирается на «узкий» подход к пониманию коррупции. С чем это связано?

Данные высказывания были сделаны автором еще в 90-е гг. прошлого века, поэтому они уже устарели, поскольку субъектный состав коррупционеров в последнее время расширяется, что обусловлено многими факторами (развитие социума, предпринимательства, переход к рыночным отношениям, недостаточная активность правоохранительных органов, изменение уголовного закона и т. д.).

Проведенный анализ показывает, что среди как отечественных, так и зарубежных исследователей есть совершенно полярные точки зрения относительно оценки коррупции. Например, еще в 60-е гг. XX века Н. Лефф, рассуждая о пользе экономической коррупции, утверждал, что «коррупция способствует ускорению работы административной машины, оптимальному распределению времени ожидания и, возможно, повышает норму сбережений» [Leff: 10].

Между тем такая точка зрения в последнее время находит поддержку практически только среди отдельных криминализованных предпринимателей.

При оценке коррупции уже давно стал распространенным подход, где наряду с негативными ее характеристиками параллельно выделяют и положительные черты. В этой связи примечателен подход Р. Теобальда, который выделил такие выгоды от коррупции, как стимулирование экономического роста и содействие политическому развитию. Примечателен и тот факт, что исследователь среди прочего в стимулирование экономического роста включал также «проникновение делового подхода в бюрократическую среду». К «негативными сторонами коррупции» он отнес: «1) препятствие экономическому росту (растрата капитала, подавление предприимчивости, разбазаривание национальных ресурсов, ослабление управленческого потенциала, подрыв демократии); 2) фактор нестабильности и подрыва национальной интеграции» [Theobald: 548–559].

Даже при первом прочтении этих строк становится видно, что в своих рассуждениях Р. Теобальд фактически противоречил сам себе. В связи с такой не просто пораженческой, но и явно противоречивой позицией мы не можем признать его доводы вполне убедительными и научно обоснованными.

Проанализировав различные научные подходы и легальные дефиниции к пониманию коррупции, выделив при этом и рассмотрев основные характеристики (черты) современной коррупции, мы можем с уверенностью утверждать, что они характеризуют коррупцию не только как юридическую, но и общесоциальную проблему. К примеру, это является характерным для таких признаков, как комплексность, асоциальная практика, аморальность и др.

3. Общесоциальное и юридическое понятие коррупции. Применяя классический метод индукции, то есть когда научные дефиниции выводят из основных характеристик (признаков), представляется целесообразным выделить общесоциальное понятие коррупции. Так, с точки зрения общесоциального значения **коррупция – это имеющая глубокие исторические корни асоциальная практика, представляющая собой целый комплекс системных противоправных деяний, осуществляемых за различные вознаграждения либо выгоды, противоречащая национальным и международным установкам и общепризнанным моральным нормам и принципам.**

Однако обойтись в данном исследовании только одним понятием коррупции, хотя и с позиции ее общесоциального значения, не представляется возможным, поскольку здесь нет указания на субъектов противоправных деяний, что не позволяет рассматривать коррупцию как преступление.

В этой связи, основываясь на данных проведенного нами анализа научной литературы, российского законодательства, судебной практики, взяв на воору-

жение современные научные подходы к субъектному составу коррупции, мы предлагаем следующее рабочее юридическое понятие коррупции. **Коррупция представляет собой запрещенные российским и международным законодательством различные формы умышленных виновных противоправных деяний должностных лиц, а также лиц, осуществляющих должностные либо служебные функции, направленные на получение незаконной выгоды (личной, корпоративной, третьих лиц) в виде получения движимого или недвижимого имущества, услуг имущественного, авторского и иного характера либо имущественных, авторских и других прав для себя или для третьих лиц, а также посредничество в осуществлении таких деяний, дачу взятки и коммерческий подкуп.**

Конечно, в данном определении мы не претендуем на истину в последней инстанции. Тем не менее основные идеи данного понятия могут стать теоретической основой для разработки легального законодательного понятия коррупции, поскольку, как показало проведенное исследование, дефиниция понятия «коррупция», закрепленная в ФЗ «О противодействии коррупции», в современных условиях развития социума нуждается в корректировке.

Примечания

¹ СК РФ: число дел о коррупции достигло 10 тысяч в 2022 году. URL: <https://www.gazeta.ru/> (дата обращения: 10.08.2023).

² См.: СЗ РФ. 04.12.2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

³ СЗ РФ. 5 июля 2021 г. № 27 (часть II). Ст. 5351.

⁴ *Кабанов П.А.* Антикоррупционные программы субъектов Российской Федерации как средства противодействия коррупции: опыт критического анализа. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_12103.html#66 (дата обращения: 10.08.2023).

⁵ Там же.

⁶ Россияне определились с моралью. Топ-5 аморальных поступков // ВЦИОМ. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10190> (дата обращения: 10.08.2023).

⁷ Расширенное заседание коллегии МВД // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/> (дата обращения: 10.08.2023).

⁸ См.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml

⁹ Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml (дата обращения: 10.08.2023).

¹⁰ СЗ РФ. 29 декабря 2008 г. № 52 (часть I). Ст. 6228.

¹¹ Справочный документ о международной борьбе с коррупцией, подготовленный Секретариатом ООН. A/CONF. 169/14. 1995. 13 Apr.

¹² Судебная статистика в РФ // Агентство правовой информации, 2015–2023. URL: <https://stat.xn--sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 10.08.2023).

Список литературы

Арзамасов В.Ю. Латентная преступность: понятие, негетогенная природа, превентивные меры // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2022. № 1 (48). С. 237–250.

Арзамасов Ю.Г. Комплаенс как вид антикоррупционного мониторинга // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-2. С. 6–8.

Богданов Н.Е. Исторический анализ возникновения и распространения коррупции в России // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 340–353.

Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика: альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург, 1999. С. 125–166.

Глинкина С.П. Международная коррупция // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 13–30.

Ду Чжичжоу 杜治洲. Миньчжун юй фаньфу 民众与反腐 [Народные массы и антикоррупционная борьба] синьхуа чубаньшэ 新华出版社, 2015.

Изотов М.О. Коррупция в современной России: социокультурные основания и формы проявления: дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2012. 192 с.

Лунеев В.В. Коррупция в России // Государство и право. 2007. № 11. С. 20–27.

Минингулова Д.Б. Правовое регулирование антикоррупционной оценки деятельности государственных служащих в Российской Федерации // International Journal of Civil Service Reform and Practice. 2015 (oct.). Vol. 5. С. 61–78.

Пинчук А.Н. Коррупция в свете социологических теорий // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 2. С. 80–95.

Попова С.А., Акулин С.В. Новые формы коррупции, связанные с цифровыми технологиями // Юридическая наука. 2023. № 3. С. 178–185.

Сидоров Б.В., Комиссаров А.Е. Правильное определение моральной и социально-правовой природы коррупции, ее признаков и форм отражения в действительности – основная юридическая предпосылка успешной антикоррупционной деятельности // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 2. С. 123–128.

Хабриева Т.Я. Коррупция и право: доктринальные подходы к постановке проблемы // Противодей-

ствие коррупции: сб. аналитич. материалов. Москва, 2012. С. 5–17.

Чернов И.С. Латентная преступность в России // Южно-Уральские научные чтения. 2015. № 1 (1). С. 103–106.

Leff N. Economic development through bureaucratic corruption. *American behavioural scientist*, 1964, No. 2, pp. 8-14.

Theobald R. Patrimonialism. *World Politics*, 1982, vol. 34, No. 4, pp. 548-559.

References

Arzamasov V.Ju. *Latentnaja prestupnost': ponjatie, negomogennaja priroda, preventivnye mery* [Latent criminality: concept, inhomogeneous nature, preventive measures]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Law], 2022, No. 1 (48), pp. 237-250. (In Russ.)

Arzamasov Ju.G. *Komplaens kak vid antikorrupcionnogo monitoring* [Compliance as a type of anti-corruption monitoring]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestuplenijami i inymi pravonarushenijami* [Current problems in the fight against crimes and other offenses], 2022, No. 22-2, pp. 6-8. (In Russ.)

Bogdanov N.E. *Istoricheskij analiz vozniknovenija i rasprostraneniya korrupcii v Rossii* [Historical analysis of the occurrence and spread of corruption in Russia]. *Voprosy rossijskoj justicii* [Issues of Russian justice], 2023, No. 24, pp. 340-353. (In Russ.)

Burd'e P. *Duh gosudarstva: genezis i struktura bjurokraticeskogo polja* [The spirit of the state: the genesis and structure of the bureaucratic field]. *Pojetika i politika: al'manah Rossijsko-francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologii Rossijskoj Akademii nauk* [Poetics and Politics: Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, Institut jeksperimental'noj sociologii Publ.; St. Petersburg, 1999, pp. 125-166. (In Russ.)

Chernov I.S. *Latentnaja prestupnost' v Rossii* [Latent crime in Russia]. *Juzhno-Ural'skie nauchnye chtenija* [South Ural scientific readings], 2015, No. 1 (1), pp. 103-106. (In Russ.)

Du Chzhichzhou 杜治洲. *Min'chzhun juj fan'fu 民众与反腐 Narodnye massy i antikorrupcionnaja bor'ba* [Popular masses and anti-corruption struggle] *sin'hua chuban'shje* 新华出版社, 2015.

Glinkina S.P. *Mezhdunarodnaja korrupcija* [International corruption]. *Novaja i novejšaja istorija* [New and recent history], 2011, No. 1, pp. 13-30. (In Russ.)

Habrieva T.Ja. *Korrupcija i pravo: doktrinal'nye podhody k postanovke problemy* [Corruption and law: doctrinal approaches to problem-setting]. *Protivodejstvie korrupcii: Sbornik analiticheskikh materialov* [Anti-corruption: Collection of analytical materials]. Moscow, 2012, pp. 5-17. (In Russ.)

Izotov M.O. *Korrupcija v sovremennoj Rossii: sociokul'turnye osnovanija i formy projavlenija: dis. ... kand. filos. nauk* [Corruption in modern Russia: sociocultural grounds and forms of manifestation: PhD thesis]. Ivanovo, 2012, 192 p. (In Russ.)

Luneev V.V. *Korrupcija v Rossii* [Corruption in Russia]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2007, No. 11, pp. 20-27. (In Russ.)

Miningulova D.B. *Pravovoe regulirovanie antikorrupcionnoj ocenki dejatel'nosti gosudarstvennyh sluzhashhih v Rossijskoj Federacii* [Legal regulation of anti-corruption assessment of activities of civil servants in the Russian Federation]. *International Journal of Civil Service Reform and Practice*, 2015, oct., vol. 5, pp. 61-78. (In Russ.)

Pinchuk A.N. *Korrupcija v svete sociologicheskij teorii* [Corruption in the light of sociological theory]. *Gorizonty gumanitarnogo znanija* [Horizons of humanitarian knowledge], 2019, No. 2, pp. 80-95. (In Russ.)

Popova S.A., Akulin S.V. *Novye formy korrupcii, svyazannye s cifrovymi tehnologijami* [New forms of digital-related corruption]. *Juridicheskaja nauka* [Legal science], 2023, No. 3, pp. 178-185. (In Russ.)

Sidorov B.V., Komissarov A.E. *Pravil'noe opredelenie moral'noj i social'no-pravovoj prirody korrupcii, ee priznakov i form otrazhenija v dejstvitel'nosti – osnovnaja juridicheskaja predposylka uspešnoj antikorrupcionnoj dejatel'nosti* [The correct definition of the moral and socio-legal nature of corruption, its signs and forms of reflection in reality is the main legal prerequisite for successful anti-corruption activities]. *Vestnik jekonomiki, prava i sociologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 2018, No. 2, pp. 123-128. (In Russ.)

Leff N. Economic development through bureaucratic corruption. *American behavioural scientist*, 1964, No. 2, pp. 8-14.

Theobald R. Patrimonialism. *World Politics*, 1982, vol. 34, No. 4, pp. 548-559.

Статья поступила в редакцию 28.09.2023; одобрена после рецензирования 27.10.2023; принята к публикации 27.10.2023.

The article was submitted 28.09.2023; approved after reviewing 27.10.2023; accepted for publication 27.10.2023.